

A detailed illustration of a cozy rooftop tea house at night. The room features a brick wall on the left with three wooden shelves holding framed pictures, candles, and potted plants. A string of warm-toned lights hangs from the ceiling. A large window on the right shows a city skyline at night. A grey cat sits on the windowsill, looking out. In the foreground, a brown leather sofa is adorned with a plaid blanket and a pillow that reads "СЧАСТЬЕ В МЕЛОЧАХ". A small round wooden table holds a cup of tea and a lit candle. The floor is made of wooden planks, and a shaggy rug is placed under the table.

Элла Золина

Чайная на крыше, или Кот,
который не хотел быть начальником

Элла Золина

Чайная на крыше, или

Кот, который не хотел

быть начальником

<https://litres.ru/73882506>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марина привыкла к горечи. Горечь зерен, горечь развода, горечь тридцати восьми лет, прожитых по сценарию «всё как у людей». Она построила крепость из запаха кофе и чековой ленты, чтобы не слышать тихий зов того, что когда-то звалось магией. Она больше не верит в сказки, но сказки, увы, верят в нее. Однажды ночью привычный мир трескается по швам. Кот с повадками столоначальника вручает ей ключи от Ночной канцелярии. Места, где раздают чудеса и штрафуют за нарушения реальности. Отказаться нельзя. Аннулировать назначение можно только одним способом: спуститься на Изнанку и найти документ, который она потеряла сама. Свой дневник. Городское фэнтези о том, что потерять себя страшнее, чем потерять чудо.

Содержание

Глава 1. Тот самый диванчик, на который нельзя садиться	4
Глава 2. Как правильно не замечать собственную жизнь	11
Глава 3. Дефектная партия, или Чайник, который видел слишком много	17
Глава 4. Кот, который пришёл с документами (и пятой степенью защиты)	26
Глава 5. Инструкция по поиску того, чего у тебя нет	36
Глава 6. Чай, который не греет	49
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Элла Золина

Чайная на крыше, или Кот, который не хотел быть начальником

Глава 1. Тот самый диванчик, на который нельзя садиться

Я открыла кофейню за час до официального открытия - привычка, выработанная годами. В это время здесь особенно тихо: город ещё не проснулся, а первые посетители появятся не раньше чем через сорок минут. Сорок минут тишины, которые я отвожу себе, чтобы войти в нужное состояние. Состояние «всё под контролем».

Протирала столы, чувствуя под ладонями тепло дерева - старое, но надёжное, оно помнило десятки рук, которые касались его до меня. Поверхность чуть шероховатая, с мелкими царапинами от ключей, от ногтей, от жизни, которая здесь когда-то кипела. Этот стол достался мне вместе с кофейней от прошлых владельцев, и он единственный, кто ни разу меня не подвёл. Не то что некоторые. Я провела пальцем по самой глубокой царапине, представляя, кто и зачем оста-

вил её здесь. Может, кто-то узнал плохие новости. Может, наоборот - хорошие, и не удержал в руках чашку. Мысль дозревала, как груша для компота: уют - это ведь просто товар. Горячий, ароматный, с лёгкой ноткой корицы. Люди охотно его покупают - за деньги, за улыбки, за ощущение, что мир не так уж плох. А я - посредник в этой сделке. Главное - не начать употреблять свой же товар. Ироничная формулировка возникла сама собой, и я даже усмехнулась, но тут же одёрнула себя: смеяться над собственным бизнесом - это уже диагноз, и в отчёт его не впишешь.

Подошла к полке, проверила запасы корицы. Пальцы скользнули по стеклянной банке, крышка открылась с тихим щелчком - звук, который я знаю наизусть, но каждый раз он звучит чуть иначе. Сегодня, например, он показался мне каким-то... вопросительным. Будто банка спрашивала: «Ну что, опять не себе?» Глупость, конечно. Вдохнула аромат - яркий, чуть острый, он сразу разбудил что-то внутри, будто напомнил: «Ты тоже имеешь право на тепло». Но я тут же одёрнула себя. Право - это роскошь, а у меня график, заказы и отчёт, который нужно сдать до конца недели. Три подписи, семь форм, пятнадцать позиций в накладной. Цифры не спорят, не задают неудобных вопросов, не пахнут корицей. С ними проще.

Взгляд невольно упал на диванчик у окна. Плед в клетку, который я связала сама, лежал аккуратно сложенным, подушка с вышивкой «Счастье - в мелочах» стояла ровно, как

на витрине. Когда-то я вязала этот плед для себя - представляла, как буду сидеть здесь с книгой и чашкой чая, смотреть на дождь или первые снежинки. Выбирала нитки по каталогу три вечера, пересчитывала петли, распускала, перевязывала. Вложила в него что-то, чему сейчас уже трудно подобрать название. Но потом поняла: если сяду - всё, конец. Уют станет не продуктом, а потребностью. А потребности - это расходы, которые не заложены в бюджет. Диванчик стал моим личным «нельзя». И с каждым годом это «нельзя» обрастал такими привычными, такими удобными доводами, что я почти перестала замечать его присутствие. Почти.

На кухне зашумела кофемашина. Я налила себе эспрессо - маленький, крепкий, как укол бодрости. Выпила стоя за стойкой, не отходя от рабочей зоны, глядя в окно на пустую улицу. Вкус - горький, быстрый, без удовольствия. Просто доза кофеина, чтобы запустить механизм дня. Интересно, когда я в последний раз пила кофе сидя? Не вспомнила. Наверное, это тот случай, когда отсутствие воспоминаний - уже диагноз. Ритуал самоотречения: я даю уют другим, но не себе. Логика простая, как рецепт растворимого кофе: если начну получать удовольствие - потеряю контроль. А контроль - это единственное, что держит меня на плаву. Или мне так кажется. Разница, как я начала подозревать, не такая уж большая.

Дверь тихонько звякнула - колокольчик, который я повесила в первый же месяц и с тех пор ни разу не пожалела. Во-

шёл Борис Петрович. Постоянный клиент, аудитор по профессии, человек с лицом, которое будто постоянно пересчитывает дебет и кредит. Я знаю, что он приходит ровно в это время по вторникам и четвергам, что заказывает всегда одно и то же - капучино без сахара, но с корицей, - и что ему нравится сидеть у дальней стены, спиной к окну. Люблю таких клиентов. Они предсказуемы, а предсказуемость в моём деле - это отсутствие сюрпризов. А отсутствие сюрпризов - это спокойствие. Цепочка железобетонная.

- Опять пробки, - вздохнул он, снимая пальто и вешая его на крючок, который, как я заметила, он всегда выбирает третий слева. - Час стоял на мосту, а всё из-за какого-то чудака, который решил, что его машина - это парусник. Представляете? Вылез прямо на встречную, развернулся посреди полосы, стоит, руками машет. Говорит, навигатор велел. Навигатор!

Я кивнула, поставила перед ним чашку капучино и улыбнулась - профессионально, ровно настолько, чтобы он почувствовал: здесь его понимают. Не слишком широко, не слишком тепло. Дозированно. Как корицу в его же чашку.

- Ужас, - сказала я, придав голосу ровно ту долю сочувствия, которая не обязывает к продолжению разговора. - Но зато теперь Вы здесь. И кофе горячий.

Он отхлебнул, расслабился на мгновение - даже плечи опустились, и я увидела, как напряжение выходит из него вместе с паром от чашки. В такие моменты я понимаю, за-

чем вообще всё это. Не ради денег. Ради вот этого вот - когда человек за моей стойкой на секунду перестаёт быть аудитором, начальником отдела, отцом двоих детей и должником по ипотеке, а становится просто Борисом Петровичем, который пьёт капучино и смотрит в окно.

- Да, ваш кофе - это как акт о списании убытков: сразу легче становится, - изрёк он, и в его голосе впервые за утро прозвучало что-то похожее на удовлетворение.

Я усмехнулась про себя. Вот он, мой парадокс: я даю Борису Петровичу то, чего не даю себе. Внимание, тепло, ощущение, что кто-то рядом. Он уходит чуть бодрее, а я остаюсь - с пустой чашкой и мыслью, что счастье, оказывается, можно продавать порциями. Главное - не попробовать его самому. По крайней мере, пока.

Борис Петрович допил капучино, аккуратно поставил чашку на блюдце, вытер губы салфеткой и посмотрел на диванчик у окна.

- А знаете, - сказал он, задумчиво крутя в руках чек, - я всё думаю: почему Вы никогда там не сидите? Хорошее же место. Свет падает правильно, улица видна, никто не мешает. Я бы на Вашем месте там и завтракал, и книги читал, и...

- Рабочее место за стойкой, - перебила я, может быть, слишком быстро. - Нельзя расслабляться в присутствии клиентов.

- Да кто ж Вас там увидит-то? - он махнул рукой в сторону диванчика. - Угол глухой, от входа не видно. Только если

специально заглядывать. А кто заглядывать-то будет? Я, что ли? Мне ваши бухгалтерские отчёты интереснее.

Он сказал это без всякой задней мысли - просто заметил, просто поделился наблюдением. Как аудитор, который привык фиксировать нестыковки. А я вдруг почувствовала себя так, будто меня застукали за чем-то постыдным. Будто этот диванчик - не мой выбор, а мой провал. И то, что Борис Петрович заметил его случайно, между делом, делало ситуацию только хуже.

- Я подумаю, - сказала я, возвращая лицу привычное выражение вежливого спокойствия. - Спасибо за совет.

Он кивнул, надел пальто и вышел, оставив после себя запах капучино и ощущение лёгкой, почти невесомой неловкости. Я посмотрела на часы. До открытия - двадцать минут. Двадцать минут, которые я могла бы провести сидя. С книгой. С чашкой. Или просто так.

Я снова взглянула на диванчик, и вдруг мне почудилось, что подушка с вышивкой слегка сдвинулась - будто кто-то невидимый только что встал с неё, не решившись остаться. Край пледа свесился на пол, хотя я точно помнила, что утром укладывала его ровно. Но это, конечно, просто игра света и усталости: утро в городе всегда рисует лишние тени, а моя привычка недосыпать - лишние мысли. Я поправила плед, вернула подушку на место и решила больше на диванчик не смотреть. По крайней мере, сегодня.

Тогда я ещё не знала, что совсем скоро мне придётся пе-

решить своё отношение к неучтённым статьям расходов. И что диванчик, на который я себе запрещала садиться, окажется самым безопасным местом во всём городе - по сравнению с тем, куда меня занесёт. А ещё я не знала, что Борис Петрович, сам того не ведая, только что сделал для меня больше, чем любой мудрый наставник с горы: он указал на трещину в моём «всё под контролем». А в такие трещины, как известно, просачивается всё самое интересное.

Глава 2. Как правильно не замечать собственную жизнь

Тихий час в кофейне - это как пауза между вдохом и выдохом. Посетители разошлись, оставив после себя пустые чашки и лёгкое эхо разговоров. Я осталась одна - в окружении знакомых звуков: тихое шипение кофемашины, отдалённый звон чашек где-то в глубине кухни, будто кто-то перебирает ноты ненастроенного музыкального инструмента. Если прислушаться, можно даже услышать, как оседает пена в молочнике - звук, который ничего не значит, но без которого день кажется ненастоящим.

Запахи привычно окутывают меня: яркий аромат корицы, глубокий, чуть горьковатый запах свежемолотого кофе, тёплые ноты выпечки - всё это сливается в знакомый коктейль, который я уже почти не чувствую. Он стал частью воздуха, частью меня, частью рутины. Как расписание поставок, как сроки оплаты счетов, как привычка не замечать собственную жизнь. Я даже не уверена, что этот запах всё ещё пахнет. Для моего носа он давно превратился в тишину.

Я машинально листаю телефон - проверить сообщения, сверить цифры в приложении для бухгалтерии. Пальцы скользят по экрану, пока не натыкаются на старую фотогра-

фию. Двенадцать лет назад. Тот самый день. Рюкзак стоит у двери, а я стою рядом, в лёгкой куртке. На заднем плане - море. Не настоящее, конечно, а всего лишь репродукция на стене съемной квартиры, но тогда оно казалось мне границей между «здесь» и «там», между рутинной и... чем-то, что я даже назвать боялась.

На три секунды я позволяю себе вспомнить.

Запах соли и йода, который будто вьелся в кожу. Ветер, треплющий волосы. Ощущение, будто мир вдруг стал шире, чем обычно, будто он шепчет: «Ну же, сделай шаг». Тогда я не сделала. Рассчитала риски, сложила плюсы и минусы, как бухгалтер - дебет с кредитом, и решила, что стабильность надёжнее мечты. Я села на тот самый рюкзак и спокойно, с холодной головой, объяснила себе, почему это разумно. Я даже гордилась собой тогда. Какая же я взрослая. Какая рациональная.

А потом был Андрей. Мы прожили вместе пять лет - ровно столько, сколько я откладывала мечту на потом. Он был хорошим человеком. Надёжным. Предсказуемым. Мы не ссорились, не выясняли отношения, не кидали тарелки в стену. Мы просто... остыли. Как чай, который забыли выпить. Однажды утром он сказал: «Я, кажется, тебе больше не нужен». И я не стала спорить. Потому что он был прав. Ему нужна была женщина, которая умеет быть счастливой. А я умела только делать вид, что мне ничего не нужно.

Фотография исчезает с экрана одним движением пальца -

так же легко, как и появилась. Вместо неё открываю приложение с бухгалтерией. Цифры выстраиваются в ровные колонки, формулы складываются в логичные цепочки. Всё понятно, всё предсказуемо. Мечты - это риск, а риск не вписывается в мой бюджет. В моём бюджете нет статьи расходов на океан, на спонтанность, на «а вдруг получится». Есть статья на аренду, на кофейные зерна, на налоги. На себя - пустая графа.

«Я же не запрещаю себе мечтать, - думаю с горькой иронией, которую сама от себя уже не прячу. - Я просто откладываю это на потом. Вот только потом никогда не наступает. Оно, знаете ли, всегда занято. У него график плотнее моего».

Чтобы окончательно заглушить воспоминание, иду к кофемолке. Перемалываю зёрна вручную - хотя можно было бы взять готовый молотый. Но мне нужно это действие: ощущение тяжести в руках, ритмичное движение, запах кофе, который становится всё ярче, всё настойчивее. Он заполняет пространство, вытесняет запах соли, который, кажется, до сих пор где-то внутри меня. Я кручу ручку с таким усердием, будто от этого зависит моя жизнь. Или, по крайней мере, моё душевное равновесие.

Мысль дозревает, как пережаренный кофе: если я позволю себе вспомнить вкус свободы, то придётся признать, что я выбрала не то. А это слишком дорого. Стоимость признания собственной ошибки - это не те цифры, которые я могу внести в расходную накладную. Это та цена, которую пла-

тишь каждый день, маленькими порциями, не замечая, как пустеет счёт.

Возвращаюсь к стойке, раскладываю кофе по банкам. Руки двигаются привычно, машинально, но внутри что-то остаётся незакрытым - будто трещина в чашке, которую ещё не заметили. Трещина, которая пока не течёт, но уже есть. И самое обидное, что я её не просто вижу - я её слышу. То тихое «дзынь», которое невозможно заглушить, если прислушаться.

«Знаешь, в чём проблема, Марина? - спрашиваю я себя, ставя последнюю банку на полку. - Ты так хорошо научилась не замечать свою жизнь, что теперь не можешь её найти, даже если захочешь. А захочешь ли? Вот в чём вопрос».

Я застываю на секунду, глядя на своё отражение в зеркальной панели кофемашины. Женщина с пучком на затылке, в тёмной футболке, с лицом, которое выражает ровно столько, сколько нужно для разговора с клиентом. Ничего лишнего. Никаких признаков того, что внутри кто-то есть. Профессиональная маска, которая давно приросла к лицу.

И в этот момент дверь тихонько звякает.

Я поднимаю глаза - на пороге стоит кот. Не обычный уличный бродяга, которых в нашем районе хватает. Этот смотрит так, будто я должна его узнать. Или будто он знает меня - что, согласитесь, для первого визита несколько настораживает. Серый, с тёмными полосами, будто его наскоро заштриховали карандашом. Уши насторожены, хвост спокоен,

а взгляд - тяжёлый, осмысленный, с лёгким прищуром существа, которое за свою жизнь повидало столько человеческой глупости, что её хватило бы на диссертацию.

Он смотрит на меня так, будто понимает, что моя система подавления вот-вот даст сбой. И, что хуже всего, будто именно этого и ждёт.

- Чудесно, - говорю я вслух, потому что в тишине даже с котом разговаривать легче, чем с собственными мыслями. - Только говорящего кота мне не хватало для полного счастья. Или, может, он не говорящий? Пока не попробуешь - не узнаешь.

Кот не отвечает. Он просто делает шаг внутрь, потом другой. Лапы ступают по паркету беззвучно, но с достоинством, которого у обычных уличных котов не бывает. Он обводит взглядом помещение - медленно, методично, как ревизор, который проверяет, всё ли на месте. Останавливается на полках с кофе, на стойке, на диванчике у окна. И я ловлю себя на мысли, что в его глазах мелькает что-то вроде одобрения. Или, наоборот, снисходительности - с этими существами никогда не поймёшь.

Кот направляется к диванчику. Не спрашивая разрешения, запрыгивает на подушку с вышивкой «Счастье - в мелочах». Устраивается, поджав лапы, и смотрит на меня с выражением, которое можно прочесть как «Ну что, продолжим делать вид, что ничего не происходит?».

- Диванчик, между прочим, для клиентов, - говорю я без

особой надежды на послушание.

Кот медленно моргает. Это у них знак доверия. Или презрения. Честно говоря, я никогда не разбиралась в кошачьем, а сейчас мне кажется, что разница не принципиальна.

Я выдыхаю. Кажется, привычный порядок даст трещину раньше, чем я рассчитывала. И, судя по тому, как уверенно этот полосатый ревизор устроился на моём любимом диванчике, трещина пойдёт не по посуде, а по фундаменту.

Кот зевнул. Я вздохнула. Тихий час закончился. Началось что-то другое.

Глава 3. Дефектная партия, или Чайник, который видел слишком много

Утро началось с того, что кот всё ещё сидел на диванчике у окна. Я закрывала кофейню в полночь. Он не ушёл. Я решила не выгонять - у него был такой вид, будто он здесь прописан, а я, соответственно, временная жиличка.

Я сделала вид, что не замечаю его. Это оказалось сложнее, чем я предполагала. Во-первых, потому что он устроился с таким видом, будто арендовал это место на долгосрочной основе и собирается требовать у меня акт приёма - передачи. Во-вторых, потому что его присутствие меняло «что-то» в кофейне - неосязаемое, но физически ощутимое. Воздух стал плотнее, тени в углах казались гуще, а запах корицы, который я знаю наизусть, вдруг отдавал чем-то чужим, морским, йодистым. Я трижды проверила банки с пряностями, но они были в порядке. Проблема была не в них.

Кот зевнул. Я отвернулась.

В конце концов, он просто кот. Обыкновенный бездомный кот, который забрёл погреться. Ничего необычного. Я двинулась по привычному маршруту: протереть стойку, проверить запасы, запустить кофемашину. Ритмичное шипение,

запах свежемолотого кофе - всё это должно было вернуть меня в зону комфорта, где нет необъяснимых явлений и животных, которые смотрят на тебя с выражением, свойственным скорее экзаменаторам, чем представителям семейства кошачьих.

Но что-то было не так.

Воздух казался гуще, чем обычно. Тени в углах кофейни будто чуть подрагивали, как будто пытались вырваться из привычных очертаний. Я тряхнула головой. Усталость, только и всего. Пора взять выходной. Если бы я могла себе это позволить. Я посмотрела на кота - он всё так же сидел на пледе, сложив лапы, и смотрел на меня с терпением существа, которое может ждать годами. Я выдержала его взгляд ровно три секунды и отвела глаза. Это была ошибка. Теперь он знал, что я его боюсь.

«Не боюсь, - поправила я себя, - просто не люблю, когда за мной следят. Особенно существа, у которых, по идее, нет для этого никаких причин».

Дверь звякнула, и вошёл Борис Петрович. Вид у него был ещё более уставший, чем обычно: под глазами тёмные круги, плечи опущены, будто на них лежал груз всех балансовых отчётов мира. Он снял пальто - на этот раз не глядя, повесил на первый попавшийся крючок - третий слева, как всегда, но без обычной церемонности. Сегодня он не был Борисом Петровичем, аудитором с тридцатилетним стажем. Он был просто человеком, который не выспался и у которого завис

внутренний компьютер.

- Доброе утро, - сказала я, ставя перед ним чашку капучино. - Выглядите так, будто ночь была длинной.

- И не говорите, - он потёр переносицу. – Опять бессонница одолела.

- Ужас, - сказала я привычно. - Но теперь Вы здесь. И кофе горячий.

Он поднёс чашку к губам, замер. Я видела, как его пальцы - те самые, которые привыкли перебирать цифры в отчётах - слегка дрогнули. Он медленно опустил чашку и уставился в неё так, словно там обнаружилась налоговая задолженность за последние пять лет.

- Что это? - прошептал он.

Я заглянула в чашку через стойку. На блестящей фарфоровой стенке отчётливо проступило отражение - но не Бориса Петровича в строгом костюме, с залысинами и очками для чтения. Там был другой человек. Мужчина лет сорока, в свободной рубашке, перепачканной краской - синей, жёлтой, зелёной, цвета смешались на локтях в радужное пятно. В руках у него был мольберт. Он улыбался. Не той вежливой улыбкой, которой улыбаются коллегам в бухгалтерии, а настоящей - широкой, беззащитной, счастливой. Ветер трепал его волосы, а за спиной виднелись холмы с буйной зеленью и небо, в котором облака складывались в такие формы, какие бывают только в детстве или на картинах, которые не стыдно повесить на стену.

Я узнала в этом отражении того, кем Борис Петрович мог бы стать. Или, может быть, когда-то был. До того как стал аудитором. До того как научился считать чужие ошибки.

- Брак фарфора, - выпалила я. - Или усталость. Вы, наверное, не выспались.

Борис Петрович открыл рот, закрыл, потом кивнул. Его лицо снова стало лицом аудитора - спокойным, ровным, профессиональным. Но я видела, как его пальцы всё ещё дрожат.

- Да, конечно, - сказал он, и голос его звучал так, будто он сам себя уговаривал. - Просто... показалось. Наверное, пора менять очки.

Он сделал глоток. Чашка опустела быстрее обычного. Он поставил её на блюдце, аккуратно, ровно, так, что ручка смотрела строго на юг. Оплатил, надел пальто - уже собранно, по-деловому. У двери задержался на секунду, оглянулся на диванчик. На кота. Потом на меня.

- Марина, - сказал он, и в голосе его прозвучало что-то, чего я раньше не слышала. Не просьба. Не вопрос. Что-то вроде... надежды. - А Вы когда-нибудь думали, что могли бы делать что-то другое? Не это. Ну, знаете. Кофе, столы, чашки...

Я хотела сказать что-то ироничное, что-то про «это моя судьба» или «кому-то же надо». Но слова застряли. Потому что в этот момент я смотрела на Бориса Петровича и видела не аудитора, а того парня с мольбертом. И мне стало страшно. Не за него. За себя.

- Думала, - сказала я наконец. - Но это было давно.

Он кивнул, будто слышал именно то, что ожидал, и вышел. Дверь за ним закрылась. Тишина в кофейне стала вдруг такой плотной, что я слышала, как оседает пена в молочнике.

Я осталась одна. И кот.

Я подошла к чашке, которую забрала у Бориса Петровича. Перевернула её, посмотрела в гладкую поверхность. Ничего. Просто белый фарфор, капля молока на ободке, микротрещина на ручке - та самая, из-за которой я хотела списать эту чашку месяц назад, но всё руки не доходили.

Я поставила чашку на стойку, взяла другую - из той же партии, той же формы, с тем же рисунком. Налила себе эспрессо. Поднесла к губам.

И увидела море.

То самое море с фотографии двенадцатилетней давности. Волны разбивались о берег - я «слышала» их, низкий гулкий шум, который не спутаешь ни с чем. Чайки кружили над водой, их крики были такими отчётливыми, что я невольно оглянулась на окно - нет, город за стеклом оставался городом, серым, осенним, с морозящим дождём. Но в чашке было лето. Воздух в ней пах солью и йодом - запах ударил в нос с такой силой, что у меня защемило в глазах. Я почувствовала, как ветер треплет мои волосы - не те, что собраны в пучок, а другие, длинные, свободные, какими они были двенадцать лет назад. Я почувствовала, как песок хрустит на зубах - хотя я не ела песок даже в детстве, но запах был настолько

реальным, что тело поверило в него раньше, чем мозг успел выдать команду «это галлюцинация».

Рука дрогнула. Чашка чуть не выскользнула - я успела перехватить её за край, обжигая пальцы. Горячий кофе плеснул на стойку, растекаясь тёмной лужей. Я поставила чашку на стол так резко, что она звякнула, и отступила на шаг.

Дыхание сбилось. Пальцы горели. В носу до сих пор стоял запах соли.

«Оптическая иллюзия, - подумала я, хотя знала, что это не так. - Усталость. Пора менять поставщика фарфора. Или начать завтракать по утрам. Это точно полезнее, чем галлюцинации».

Я посмотрела на чашку. В ней по-прежнему плескался кофе, и на стенках ничего не было. Ни моря, ни чаек, ни ветра. Только пенка на кофе, которая медленно оседала, превращаясь в коричневое пятно.

Я перевела взгляд на диванчик.

Кот смотрел на меня. И выражение его глаз было таким, что у меня не осталось сомнений: он всё видел. Он знал, что случилось. И более того - он знал, что случится дальше. Он смотрел на меня с терпением учителя, который ждёт, когда ученик наконец задаст правильный вопрос.

Я не задала. Я сделала то, что умею лучше всего - я занялась делом.

Взяла тряпку, вытерла кофе со стойки. Переставила чашки, проверила запасы, перемолола свежие зёрна. Руки двига-

лись привычно, машинально, а в голове крутилась одна и та же мысль, заикленная, как сломавшаяся пластинка: «Этого не было. Этого не было. Этого не было».

Но это было.

Я чувствовала запах соли ещё полчаса. Он въелся в ноздри, в кожу, в память. Он был таким же настойчивым, как запах кофе по утрам, и таким же чужим для этой кофейни. Я открыла окно, чтобы проветрить, но ветер с улицы принёс только запах мокрого асфальта и прелых листьев. А соль осталась. Она была внутри.

Кот не двигался. Он сидел на диванчике, поджав лапы, и наблюдал за мной с выражением, которое можно было расшифровать только одним способом: «Я же говорил».

- Ты здесь при чём? - спросила я вслух, хотя разговор с котом - это, пожалуй, первый признак того, что пора брать отпуск. Или обращаться к специалисту.

Кот медленно моргнул. Два раза. Я не знаю, что это значит по-кошачьи, но в контексте сегодняшнего утра мне показалось, что это означает: «Всё при чём».

Я вздохнула.

Реальность дала трещину, и это, по-видимому, только начало. Трещина была маленькой - размером с чашку, с глоток, с один короткий миг между «я контролирую свою жизнь» и «я понятия не имею, что происходит». Но она была. И запах соли в моей кофейне был её самым убедительным доказательством.

Я прекрасно понимала, что это был не брак фарфора. Что чашки, которые я закупила у проверенного поставщика, не имели к этому никакого отношения. И что кот на диванчике - это не просто кот, а нечто гораздо более сложное, с удостоверением и, как выяснится очень скоро, правом выписывать мне предписания.

Но тогда, в это утро, я предпочла думать, что всему виной плохая партия чашек. Или моя усталость. Или Борис Петрович, который случайно заразил меня своей галлюцинацией, потому что так бывает, правда? Когда кто-то рядом видит нечто, и ты тоже начинаешь это видеть, просто потому что мозг - дурак, который поддается внушению.

Это было удобно. Это было привычно. Это было неправдой.

Кот зевнул, потянулся и перевернулся на другой бок, демонстрируя полное равнодушие к моим душевным терзаниям. Я посмотрела на него, потом на чашку, потом на дверь, в которую вышел Борис Петрович - аудитор, который сегодня увидел себя художником.

«Интересно, - подумала я, наливая себе новый эспрессо и садясь на стул у стойки - впервые за много лет позволяя себе сесть, - интересно, что бы я увидела, если бы посмотрела в ту чашку ещё раз?»

Я не стала смотреть. Я была не готова к ответу.

Но самое страшное, что ответ уже знал меня. И он сидел на диванчике у окна, на моём любимом пледе, который я свя-

зала когда-то для себя, и ждал, когда я перестану делать вид, что всё в порядке.

Я вздохнула и пошла за молоком для кота. Потому что, если уж в твоей кофейне поселилось необъяснимое явление, лучше быть с ним в хороших отношениях. Это вам любой бариста скажет.

Глава 4. Кот, который пришёл с документами (и пятой степенью защиты)

Я пришла в кофейню на полчаса раньше обычного - будто если ускорюсь, то смогу обогнать то странное ощущение, что поселилось во мне после вчерашнего. Дверь звякнула колокольчиком, и я замерла на пороге.

Кот всё ещё сидел на диванчике у окна. На моём пледе. На подушке с дурацкой вышивкой «Счастье - в мелочах», которую я когда-то выбрала с надеждой, а теперь воспринимала как насмешку. Он смотрел на меня так, будто мы с ним заключили договор, а я его нарушила.

«Просто кот, - твёрдо сказала я себе, вешая пальто на крючок. - Обыкновенный бродяга, который нашёл тёплое место. Ничего больше. Вчерашнее - усталость. Переработала. Перемолола слишком много зёрен. Мозг решил устроить забастовку и показал пару галлюцинаций. С кем не бывает?»

Я направилась к стойке, стараясь не смотреть в сторону диванчика. Но чувствовала его взгляд - тяжёлый, пристальный, как просроченный отчёт, который ты откладывал неделю, а он всё равно нашёл тебя в самый неподходящий момент.

Привычные действия должны были вернуть меня в зону комфорта. Протереть стойку - дерево под ладонью чуть шероховатое, тёплое, знакомое. Проверить запасы корицы - банка открылась с тем же тихим щелчком, что и вчера, но сегодня он прозвучал как-то... обвиняюще. Запустить кофемашину - шипение пара, запах свежемолотого кофе, глубокий, чуть горьковатый, - всё это обычно выстраивало барьер между мной и хаосом мира.

Но не сегодня.

Воздух казался плотнее, чем обычно, будто его набили ватой. Тени в углах кофейни подрагивали, словно пытались вырваться из привычных очертаний. Запах корицы смешивался с чем-то ещё - отдалённо морским, йодистым, будто кто-то пронёс мимо открытой двери ведро с водорослями. Я потрянула головой. «Усталость, - повторила я про себя. - Просто усталость. Разумные коты - это слишком даже для кофейни. Особенно для моей».

Я повернулась к кофемолке, начала перемалывать зёрна - ритмичное движение, тяжесть в руках, запах кофе, который должен был вытеснить всё лишнее. Но кот не сводил с меня глаз. Он явно чего-то ждал. Терпеливо, методично, с видом существа, которое может ждать годами, пока ты наконец поймёшь, что игра в «ничего не происходит» больше не работает.

На кухне что-то тихонько звякнуло - наверное, ложка скатилась с полки. Я вздрогнула, но не обернулась. Вместо это-

го подошла к окну, провела пальцем по стеклу. Капля дождя, оставшаяся с ночи, скользнула вниз, оставив влажный след. «Может, это просто погода? - подумала я с отчаянной надеждой. - Атмосферное давление, магнитные бури, сезонная хандра... Всё что угодно, только не магия. Магия - это для других. Для тех, кто не считает дебет с кредитом перед сном».

Я поставила банку с зёрнами на полку, вытерла руки о фартук. «Ну и пусть сидит, - сказала я вслух, чтобы звук собственного голоса придал мыслям твёрдости. - Кот - не повод для паники. У меня есть кофемашина, счета, график поставок и целая стопка бланков, которые нужно заполнить до обеда. Это реальность. А всё остальное - просто... просто...»

В этот момент кот заговорил.

-

Ну? – спросил он саркастически. Так и будем делать вид, что ничего не происходит?

Я решила, что лучший способ справиться с говорящим котом - это сделать вид, что он не говорит. Это, конечно, классический приём, но иногда классика работает безотказно. Я сосредоточилась на протирке стойки. Тряпка скользила по дереву с характерным звуком, который всегда меня успокаивал. «Шшух-шшух» - это был мой личный белый шум, заглушающий всё лишнее. Включая котов с маниакальным блеском в янтарных глазах.

Кот на диванчике наблюдал за мной с терпением налого-

вого инспектора, который знает, что у Вас в шкафу припрятана незадекларированная банка варенья. Он даже не моргал. Просто сидел, сложив лапы, и смотрел. Я чувствовала этот взгляд спиной. Он был тяжёлым, как просроченный отчёт.

- Сударыня, - раздался в тишине голос, сухой и бархатистый одновременно, словно кто-то провёл бархатом по старому картотечному шкафу. - Ваше упорное нежелание вступить в диалог начинает граничить с административным правонарушением.

Тряпка замерла в моей руке. Я медленно выдохнула и повернулась. Кот сидел в той же позе, но теперь его усы подрагивали от сдерживаемого раздражения.

- Вы что-то сказали? - спросила я максимально нейтральным тоном, каким обычно сообщаю клиентам, что их любимый сорт кофе закончился и не предвидится.

- Я сказал, что Ваше молчание контрпродуктивно, - кот дёрнул ухом. - Понеже я являюсь должностным лицом Ночной канцелярии, а Вы - единственным кандидатом на вакантную должность, уклонение от разговора является саботажем межпространственного сообщения.

- Должностное лицо? - я изогнула бровь. - В кошачьем облике?

- Форма не имеет значения, когда речь идёт о функциях, - отрезал он. - Позвольте представиться: Феликс, начальник отдела согласования порталов. Временно исполняющий обя-

занности.

Он спрыгнул с диванчика с грацией существа, которое знает цену каждому своему движению. Лапы беззвучно коснулись пола. Он подошёл к стойке и одним элегантным движением бросил на неё предмет. Это было удостоверение. Не картонная карточка, а тяжёлая металлическая пластина с гравировкой, потемневшая от времени. В центре переливалась голограмма летучей мыши.

- Пятая степень защиты, - прокомментировал Феликс, заметив мой взгляд. - Не пытайтесь подделать. Система распознаёт фальшивку по запаху валерьянки.

Я осторожно взяла удостоверение. Оно было холодным и неожиданно тяжёлым. Пальцы ощутили шероховатость гравировки - какие-то символы, которых я не узнала, и цифры, которые не складывались ни в одну знакомую систему счисления.

- И что это значит? - я старалась, чтобы голос не дрожал.

- Это значит, сударыня, что я ухожу в отставку, - Феликс сел и обвил лапы хвостом. - После тысячи лет бюрократической рутины я заслужил покой. Греться на солнце, спать шестнадцать часов в сутки и не подписывать акты о пространственных коллапсах. И я назначаю Вас своей преемницей.

- Что? Нет! - воскликнула я быстрее, чем успела подумать. - Я не подавала заявку! У меня кофейня! У меня отчётность! У меня... диванчик!

В этот момент на кухне оглушительно засвистел чайник. Но это был не обычный свист. Это был механический, безжизненный голос робота-диспетчера:

«Кандидат принят на рассмотрение. Ожидайте регламентный срок».

Я уставилась на дверь кухни. Чайник продолжал свистеть тем же голосом:

«Назначение временно исполняющего обязанности подтверждено магическим протоколом 147-бис».

Феликс закатил глаза. - Видите? Система уже зарегистрировала Ваше согласие. Магическая бюрократия работает быстрее вашей налоговой.

- Я не соглашалась! - я почти сорвалась на крик.

- В нашей системе молчание приравнивается к согласию, если не поступило официального протеста в трёх экземплярах с нотариальным заверением подписи свидетеля из Изнайки, - скучающим тоном пояснил кот. - Полагаю, у Вас такого свидетеля под рукой нет?

Я бессильно опустила на стул за стойкой. - Я даже кота не нанимала! Какого лешего я должна становиться начальником какого-то там отдела?!

Феликс вздохнул так тяжело, что его усы затрепетали. - Должность имеет свойство «прилипнуть». Если Вы не найдёте себе замену или не пройдёте испытание в течение трёх суток... - он сделал паузу для пущего драматизма, - Вы станете начальником отдела согласования порталов навсегда. И ва-

ша жизнь превратится в бесконечную череду подписей, жалоб на самовольно открывающиеся двери и актов о нецелевом использовании бытовой магии.

Звучало как мой обычный день , только с добавлением магии и летучих мышей.

Я посмотрела на кота. Он смотрел на меня с вековой усталостью во взгляде. - И что теперь? - обречённо спросила я.

Феликс принюхался. Его ноздри дрогнули. - Пахнет кофе, - констатировал он. - И... корицей?

Я кивнула.

- И всё? А сметана?

-

Вы же кот.

Феликс выпрямился, его взгляд стал строже. - Я не просто кот, сударыня. Я - должностное лицо. Однако... долг долгом, а обед по расписанию. Я предпочитаю сметану классической жирности, выдержанную в правильных условиях. Никакой обезжиренной профанации или добавок в виде зелени.

Я молча встала, прошла к небольшому холодильнику за стойкой и достала баночку сметаны. Поставила перед ним блюдце и щедро плюхнула туда белую массу.

Феликс склонил голову набок, изучая подношение с видом сомелье, оценивающего редкое вино. Затем аккуратно погрузил морду в блюдце и начал есть. В этот момент вся его вековая важность куда-то испарилась. Остался просто очень довольный серый кот.

Я смотрела на него и понимала: моя жизнь дала трещину размером с портал в Нидерланды. И этот полосатый бюрократ только что сделал первый шаг к тому, чтобы превратить мою кофейню в филиал преисподней... или хотя бы Ночной канцелярии.

Я откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. В голове крутились обрывки мыслей, которые никак не желали складываться в стройную систему. «Итак, - подвела я внутренний баланс, - в моей кофейне поселился говорящий кот с удостоверением. Он утверждает, что я теперь - начальник отдела согласования порталов. Чайник на кухне подтверждает это механическим голосом. А самое разумное, что я могу сделать - это накормить его сметаной и надеяться, что всё рассосётся само».

Я открыла глаза и посмотрела на Феликса. Он вылизывал блюдо с видом существа, которое только что заключило выгодную сделку и теперь наслаждается законной оплатой.

- Три дня, говорите? - спросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойнее, чем я себя чувствовала.

- Три дня, - подтвердил Феликс, отрываясь от блюда и аккуратно умывая морду лапой. - После чего Вы либо найдёте замену, либо пройдёте испытание, либо... - он сделал паузу и посмотрел на меня с выражением, которое я бы назвала сочувственным, если бы верила в сочувствие котов. - Либо привыкнете. Как я.

- А если я просто закрою кофейню и уеду в другой город?

- Магический протокол 147-бис, - Феликс вздохнул с тяжестью существа, которому приходится объяснять очевидные вещи, - привязан к вашей сущности, а не к месту проживания. Вы можете уехать хоть на Луну. Должность поедет с вами. Боюсь, в багаже.

Я посмотрела на свои руки - сухие, с коротко стриженными ногтями, вечно пахнущие кофе. Руки человека, который выбрал стабильность. Который рассчитал риски. Который ни разу за двенадцать лет не сел на собственный диванчик, потому что боялся расслабиться.

А теперь судьба в лице полосатого бюрократа решила, что мне позарез нужно стать начальником магического отдела.

- Хотя бы сметана вам понравилась, - сказала я вслух, и в голосе прозвучало что-то среднее между иронией и отчаянием.

Феликс медленно моргнул. - Это, сударыня, единственное, что вселяет в меня надежду на Ваше будущее руководство. Вы умеете выбирать правильную жирность. А это, поверьте, в нашей работе дорогого стоит.

Он потянулся, зевнул, демонстрируя розовую пасть и внутренние клыки, и направился обратно к диванчику. Запрыгнул на плед, свернулся калачиком и прикрыл глаза.

- Я вздремну, - донёсся его приглушённый голос. - Разбудите, когда появится первый клиент. Или когда придёт акт о вашем официальном утверждении. Что наступит раньше, я, честно говоря, не берусь прогнозировать.

Я осталась сидеть за стойкой, глядя на спящего кота, на удостоверение с голограммой летучей мыши, на чашку, в которой сегодня утром не решилась смотреть на отражение.

«Три дня, - подумала я. - Три дня, чтобы найти замену. Или пройти испытание. Или привыкнуть. Или... или просто перестать делать вид, что всё под контролем».

Я вздохнула, встала, налила себе эспрессо. Сделала глоток. Стоя за стойкой, как всегда. Но на этот раз - медленнее. И мне показалось, или кофе действительно стал чуточку теплее?

Кот засопел на диванчике. Я посмотрела на подушку с вышивкой «Счастье - в мелочах» и впервые за долгое время не почувствовала насмешки.

Может, потому что счастье - это когда твой главный кошмар на данный момент - это говорящий кот, который спит на твоём пледе и требует сметану определённой жирности.

А не когда ты просто боишься сесть на собственный диванчик.

Я допила кофе, поставила чашку в мойку и начала готовиться к открытию. Жизнь продолжалась. Даже если теперь в ней появились магические протоколы, летучие мыши на голограммах и начальник отдела в полосатой шубке.

По крайней мере, сметана ему понравилась. Это уже кое-что.

Глава 5. Инструкция по поиску того, чего у тебя нет

Я стояла у окна кофейни и смотрела, как сумерки поглощают город. Фонари загорались один за другим, будто кто-то невидимый зажигал спички и бросал их в темноту. Стекло было холодным. На нём виднелась мелкая рябь - следы вечернего дождя, который так и не решился перейти в ливень.

Феликс, удобно устроившийся на диванчике, лениво потягивался, демонстрируя миру свои внушительные когти. Плед под ним сбился в комок, подушка с вышивкой «Счастье - в мелочах» свалилась на пол. Я машинально отметила, что потом придётся всё поправлять, и тут же мысленно одёрнула себя: «ты сейчас идёшь в магическую канцелярию, а переживаешь за обычную подушку».

- Пора, - произнёс Феликс, встряхнув шерстью так, что несколько серых волосков медленно опустились на плед. - Ночная канцелярия ждёт. Точнее, не ждёт, а работает по графику. С 23:00 до 05:00, как я уже упоминал. Бюрократия, сударыня, любит дисциплину. Особенно ночная.

- А нельзя отложить на завтра? - я попыталась оттянуть неизбежное, хотя прекрасно знала ответ. - У меня ещё отчёты не проверены, поставки не согласованы... И вообще, я не

высыпаюсь по ночам. У меня мешки под глазами появляются.

- Магический протокол 147-бис не знает слова «завтра»,
- Феликс прыгнул на пол, потянулся - сначала передними лапами, потом задними - и направился к выходу. - Он знает только «сейчас» и «уже поздно». Что касается мешков под глазами, сударыня, то в Изнанке они считаются признаком добросовестного отношения к служебным обязанностям. Идёмте. Время - не деньги, а документ, который имеет свойство истекать.

Я вздохнула, накинула кардиган - тот самый, оливковый, застиранный, но привычный - и последовала за котом. На пороге обернулась. Кофейня в полумраке выглядела так, будто ждала моего возвращения. Словно она была живой и знала, что я вернусь, потому что куда я денусь.

Ночной город пах дождём и остывшим асфальтом. В воздухе висела лёгкая дымка, размывающая очертания домов. Мы шли молча - я, стараясь не отставать от стремительного шага Феликса, он - с видом человека, который опаздывает на очень важное заседание, но при этом ни за что не признаётся, что волнуется.

- Вот здесь, - кот остановился между аптекой с вечно горящей неоновой вывеской «24 часа» и прачечной, откуда доносился запах чистого белья и кондиционера с лавандой. - Между ними. Видите?

Я вгляделась в стену. Ничего. Просто старая кирпичная

кладка, местами покрытая мхом, который почему-то не выцвел даже под уличными фонарями.

- Ничего не вижу, - призналась я честно.

- Разумеется, - Феликс закатил глаза. Это у него получалось с такой интонацией, будто он тысячу лет тренировался перед зеркалом. - Дверь появляется только после 23:00. Сейчас 22:58. Подождите две минуты. Магия любит пунктуальность. И ненавидит опоздавших. Однажды один волшебник опоздал на три минуты, - кот сделал паузу, - и теперь он работает в отделе жалоб. Вечно. Я Вас предупредил.

Мы стояли в тишине. Я смотрела на часы, Феликс - на стену. Я слышала, как где-то вдалеке сигналиит машина, как кто-то смеётся в открытом окне на втором этаже, как моё сердце стучит чуть быстрее, чем хотелось бы.

Ровно в 23:00 между аптекой и прачечной проявилась тёмная деревянная панель. Она выглядела так, будто всегда там была, но до этого момента её просто не замечали. Древесина пахла воском и чем-то старым - библиотечным, что ли.

- Теперь постучите три раза и скажите: «По делу», - проинструктировал Феликс. - Без запинки. И без иронии в голосе. Система распознаёт сарказм и отправляет в конец очереди.

Я сделала глубокий вдох. Постучала. Костяшки пальцев коснулись тёплого дерева - странно, для ночной улицы слишком тёплого.

- По делу, - сказала я максимально нейтрально.

Дверь скрипнула и приоткрылась, словно нехотя, как пожилой человек, которого разбудили среди ночи.

За порогом нас встретил длинный коридор, освещённый тусклыми лампами, которые мигали с нерегулярной частотой - то гасли, то вспыхивали снова, будто сомневались, стоит ли давать свет. В воздухе висел сложный аромат: старая бумага, сургуч, чернила и лёгкая нотка валерьянки, которая то усиливалась, то почти исчезала, как радиосигнал на границе зоны приёма.

- Добро пожаловать в Ночную канцелярию, - торжественно произнёс Феликс. - Место, где магия встречается с бюрократией и проигрывает. Не в смысле проигрывает битву, а в смысле - проигрывает в качестве обслуживания.

Мы прошли вглубь.

Помещение напоминало офис из прошлого века, но с магическими поправками. Столы были завалены папками, которые сами себя перекладывали: одна стопка росла, другая уменьшалась, третья вдруг решила перепрыгнуть на соседний стол, будто у неё случился личный кризис идентичности. На стене висели огромные часы с надписью «Время - не деньги, а документ», стрелки которых иногда бежали назад, а иногда замирали, словно задумавшись о смысле бытия.

В углу стоял чайник, напевавший голосом автоматизированной системы: «Ожидайте ответа... Ожидайте ответа... Ваш запрос обрабатывается... Пожалуйста, не разговаривайте с чайником».

Вдоль стен выстроились очереди из волшебников всех мастей. Кто-то держал в руках свитки, кто-то - артефакты, которые слабо светились в полумраке, кто-то просто нервно тербил край мантии. Клерки в мантиях поверх офисных рубашек заполняли формы. Я заметила одного - с усами, закрученными вверх, и мешками под глазами такими глубокими, что в них можно было хранить запасные чернила.

Он как раз оформлял кому-то «Разрешение на перемещение между точками пространства-времени». Волшебник на той стороне стола - молодой парень в растерзанной мантии - выглядел так, будто его только что вырвало из эпичной битвы и бросило сюда, в эпичную битву с бюрократией.

- У Вас не заполнена графа 14-б, - сказал клерк голосом человека, который повторяет это в сотый раз за ночь. - Цель перемещения не может быть «потому что надо». Заполните форму 14-б, приложите подтверждение согласования с отделом энергоснабжения и вернитесь в очередь. Которая, как Вы видите, не резиновая.

Я посмотрела на Феликса. Он стоял рядом с видом существа, которое наблюдает за привычным спектаклем и давно перестало аплодировать.

- Я думала, магия - это что-то прекрасное, - прошептала я. - Волшебные палочки, заклинания, полёты на метле. А это просто худший отдел по работе с населением в моей жизни. Даже хуже налоговой. И это я говорю как человек, который однажды провёл три часа в очереди за справкой об отсут-

ствии задолженности.

- Впечатляет, не правда ли? - Феликс усмехнулся, и его усы дрогнули. - Здесь каждая бумажка имеет вес, а каждое слово - последствия. Магия, сударыня, это не фейерверки. Это ответственность. И тонны документов. Там, в мифах, вам никто не расскажет, что перед тем, как победить дракона, нужно согласовать победу в трёх инстанциях и получить разрешение на использование огнеупорного заклинания. Иначе штраф. Большой.

Мы подошли к центральному столу, за которым сидел клерк в очках с толстыми линзами. Он следил за пером, которое само заполняло строки, иногда замирая и словно прислушиваясь к мыслям хозяина. Я заметила, что у клерка на шее висит кулон в виде летучей мыши - точь-в-точь как голограмма на удостоверении Феликса.

- Коллега, - обратился к нему Феликс тоном, каким говорят с равным, но слегка уставшим от этого равенства. - Нам нужна инструкция для нового кандидата. По протоколу 147-бис.

Клерк поднял глаза. Посмотрел на меня. Посмотрел на Феликса. Вдохнул - так, будто только что принял на себя груз чужой судьбы, и этот груз оказался тяжелее, чем он рассчитывал.

- Ваша, - сказал он и протянул папку.

Толстую. Очень толстую.

На обложке из плотной, шершавой на ощупь бумаги зна-

чилось: «О поиске утраченных документов. Полное руководство. 50 страниц. Издание третье, дополненное». Ниже мелким шрифтом: «В случае утраты руководства обратитесь к пункту 47».

Я открыла первую страницу. Пункт 1: «Определите, что именно Вы ищете. Если Вы не можете определить, переходите к пункту 2». Пункт 2: «Составьте список того, что Вы не ищете. Исключите эти пункты из рассмотрения». Пункт 3: «Ищите там, где темно». Примечание: «Тьма должна быть согласована с отделом энергоснабжения. Несогласованная тьма влечёт за собой штрафные санкции. Исключение: тьма естественного происхождения (ночь, подвал без окон, чулан). Чулан при этом должен быть зарегистрирован как объект недвижимости».

Я перелистнула на пятую страницу. Пункт 17: «Если объект найден, убедитесь, что это именно он. Если не уверены, вернитесь к пункту 1». Пункт 18: «В случае ложного опознания заполните форму 47-А „Акт о напрасно потраченных усилиях“. Форма выдаётся по запросу. Срок изготовления - 14 рабочих дней».

- Это шутка? - я подняла глаза на Феликса.

- Нисколько, - он взял папку, полистал ещё несколько страниц с видом знатока. - Всё серьёзно. Вот, смотрите. Пункт 23: «В случае обнаружения нескольких идентичных объектов, заполните форму 47-Б и отправьте в архив для классификации. Ожидайте ответа 3–5 рабочих лет». Пункт

24: «Если ответ не получен в указанный срок, повторите запрос. Каждый последующий запрос сокращает срок ожидания на один рабочий месяц».

- Но это же абсурд! - я не выдержала. Голос чуть дрогнул, и я мысленно отругала себя за эту дрожь. - Как я могу найти то, чего у меня нет? И где я возьму согласованную тьму? У меня кофейня, там светло всегда. Я специально лампы повесила, чтобы люди не шурились.

Феликс посмотрел на меня с выражением, которое бывает у преподавателей философии, когда первокурсник задаёт «глубокий» вопрос, не подозревая, что ответ прозвучит как пощёчина.

- В этом вся суть, - он сел на стул рядом - вернее, запрыгнул на него, потому что коты не садятся, они занимают пространство с видом собственника. - Магия требует внимания к деталям. И терпения. Вы думали, всё будет просто? Что вам дадут волшебную палочку и скажут: «Абракадабра, и проблема решена»? Нет, сударыня. Реальность куда прозаичнее. И бюрократичнее. Волшебная палочка, кстати, тоже требует лицензии. И сертификации. И ежегодного техосмотра.

- Но как это поможет мне найти замену? - я начала терять терпение. Не то чтобы злиться, скорее - чувствовать, как где-то внутри закипает то самое ощущение, когда часы показывают «уже поздно», а ты ещё не сделала главного. - Я не могу потратить три дня на заполнение форм. У меня кофейня.

Кофе. Люди, которые приходят за этим кофе. И счета, которые нужно оплатить. Они не магические, они самые обычные, и их не обманешь заклинанием.

- Три дня - это срок, - Феликс стал серьезнее. Его янтарные глаза в полумраке канцелярии казались почти жёлтыми, как у ночной совы. - И Вы должны использовать его с умом. Либо найти замену, либо пройти испытание, либо... - он сделал паузу, и в этой паузе мне послышалось что-то похожее на сочувствие. - Либо привыкнуть. Как я. Тысячу лет привыкал. Спойлер: до конца так и не привык.

- Но где мне искать эту замену? - я сжала папку так, что шершавая бумага закрипела под пальцами. - Друзей у меня нет, знакомых в магическом мире - тем более. Я вообще до вчерашнего дня думала, что магия - это про фокусников на детских праздниках и эзотерику в мягкой обложке.

Феликс посмотрел на меня долгим взглядом. Потом медленно, с достоинством, моргнул.

- Ищите там, где не ждали, - сказал он тоном, который я мысленно назвала «загадочный наставник в час пик». - В Изнанке, в обычной жизни, в себе. Иногда ответ находится прямо под носом, но мы его не видим, потому что слишком заняты поиском. Или потому что нос - не самая надёжная навигационная система.

Я посмотрела на папку в руках. 50 страниц абсурда. 3 дня на решение невозможной задачи. Говорящий кот, который смотрит на меня с сочувствием, замаскированным под иро-

нию. И очередь волшебников за спиной, которые ждут своей очереди на согласование порталов, разрешений и прочих магических формальностей.

Один из них - тот самый парень в растерзанной мантии - поймал мой взгляд и обречённо пожал плечами. Я кивнула ему с чувством глубокого взаимопонимания. Мы оба были здесь не по своей воле. Разница лишь в том, что у него хотя бы была мантия.

«Ладно» - подумала я. - «Если это игра, я сыграю. По правилам. Хотя бы на время».

Неожиданно меня осенило. Мысль пришла не как озарение, а как медленно созревающая груша на дереве - сначала зелёная, кислая, а потом вдруг ставшая сладкой и сочной.

- А может, моё бухгалтерское прошлое пригодится? - спросила я вслух, скорее проверяя мысль на прочность, чем ожидая ответа. - Счета, отчёты, формы - я умею с ними работать. Может, магия - это просто ещё один вид отчётности? С добавлением валерьянки и говорящих котов, конечно.

Феликс, который уже наполовину погрузился в дремоту на соседнем стуле, вдруг открыл глаза и посмотрел на меня так, будто я только что назвала правильную комбинацию цифр от сейфа.

- Вы знаете, сударыня, - сказал он медленно, - это первая разумная мысль, которую я от Вас услышал за всё время знакомства. И она вселяет в меня осторожный оптимизм. Очень осторожный. С панцирем.

- С панцирем?

- Черепахи, сударыня. Я уподобляю свой оптимизм черепахе. Он медленный, прячется при малейшей опасности и живёт очень долго. Надеюсь, ваша карьера в канцелярии будет столь же долгой.

Я закрыла папку и посмотрела на Феликса.

- Хорошо, - сказала я, и в голосе вдруг прорезалась та самая интонация, которой я пользуюсь, когда принимаю решение, - например, сменить поставщика зёрен, даже если это хлопотно. - Где мне начать?

Кот улыбнулся. Впервые искренне, без иронии. Я не знала, что коты вообще умеют так улыбаться. Оказалось - умеют. И выглядит это одновременно трогательно и немного жутковато, потому что видишь зубы.

- Вот теперь Вы готовы, - он встал, потянулся и направился вглубь канцелярии, лавируя между стопками папок, которые сами собой перестраивались в проходы. - Пойдёмте, я покажу вам ваш рабочий стол. Он, правда, в дальнем углу, рядом с архивом. И на нём уже три года никто не сидел. Но у него есть одно преимущество.

- Какое?

- Оттуда видно чайную. Чайную на крыше, сударыня. Ту самую, где подают чай, который помогает вспомнить забытое. Не то чтобы Вы что-то забыли... но иногда полезно вспомнить, зачем Вы вообще сюда пришли.

Я последовала за ним, сжимая в руках папку с инструк-

цией. 50 страниц. Три дня. Одна кофейня. Один кот с амбициями начальника и любовью к сметане.

«Может, это и не конец света», - подумала я, шагая по коридору, где лампы наконец перестали мигать и загорелись ровным, тёплым светом. - «Может, это просто новый отчёт. С магическим уклоном. И с котом».

И почему-то мне стало чуть легче.

Или это просто воздух в Изнанке был другим - пах старыми книгами, сургучом и чем-то ещё, от чего внутри разжигались пружины, которые я закручивала годами.

«Три дня, - повторила я про себя. - Найти то, чего у меня нет. Или понять, что оно у меня уже есть. Просто я забыла, куда положила».

Феликс обернулся на ходу:

- И да, сударыня. В 01:30 - перерыв на чай. Без него никакая магия не работает. Даже бюрократическая. Особенно бюрократическая.

- А если я не пью чай? Я кофе пью.

Феликс остановился. Повернулся. Посмотрел на меня с выражением, которое я бы назвала «смесь ужаса и сострадания».

- Тогда, сударыня, боюсь, Вы в Изнанке не задержитесь. Кофе здесь подают только в одном месте, и оно называется «Упавший барсук». Там очень грязно, очень шумно и очень плохой кофе. Чай - это наш местный этикет. Придётся привыкать.

Я вздохнула.

- У меня три дня. Может, за три дня я и к чаю привыкну.

- Может, и к сметане привыкнете, - мечтательно добавил

Феликс и зашагал дальше, помахивая хвостом.

Я посмотрела на папку в руках, на кота впереди, на бесконечный коридор Ночной канцелярии, который вдруг перестал казаться чужим.

«Счастье - в мелочах», - вспомнилась вышивка на подушке.

Может, они были правы. И одна из этих мелочей - просто разрешить себе выпить чашку чая в час ночи в компании говорящего кота.

Даже если этот кот - твой новый начальник.

Особенно если этот кот - твой новый начальник.

Глава 6. Чай, который не греет

После Ночной канцелярии я брела по городу без цели. Феликс остался разбирать какие-то бумаги - «срочное согласование сезонных порталов», кажется, - и отпустил меня со словами: «Отдохните, сударыня. Завтра у Вас будет много работы. И, возможно, ответов». Я не стала спрашивать, что он имел в виду. Спроси - он бы ответил очередной загадкой, от которой на следующий день разболится голова.

Ночь пахла мокрым асфальтом и чем-то ещё - прелым листом, что ли. Октябрь в этом городе всегда был временем, когда воздух становится плотным, почти осязаемым.

Я шла по набережной и чувствовала, как что-то шевелится на краю памяти. Не воспоминание - тень воспоминания. Контур, который я сама стёрла, потому что не хотела видеть.

Когда-то я знала эти координаты. Проверяла их раз двадцать, хотя проверять было нечего - просто набор цифр, которые магический протокол требует вписать в заявление о согласовании перехода. Заявление так и осталось в рюкзаке. Вместе с блокнотом, который друг посоветовал взять: «Там бумага дорогая». Я даже не помнила его имени - только ощущение, что он был. Кто-то, кто ушёл туда, куда я не решилась.

Странно, но я почти не помнила деталей той ночи. Не

помнила, как выглядел бланк заявления. Не помнила, какие цифры были в координатах. Не помнила, почему решила, что 60% важнее 40%. Моя память о том вечере была как фотография, которую передержали на солнце: очертания есть, а цветов нет. Я сама стёрла их. Аккуратно. Методично. Как стирают с доски формулу, которую так и не смогли решить.

«Если не вспоминать, то и не будет больно», - сказала я себе тогда. И двенадцать лет делала вид, что это работает.

Сейчас, когда в сумке шуршала инструкция по поиску того, чего у тебя нет, я вдруг подумала: а что, если я забыла не только детали? Что, если я забыла саму возможность? Тот самый портал, который открывается в полночь, если у тебя есть координаты и смелость. Тот самый мир, где магия не в книжках, а в воздухе. Тот самый выбор, который я сделала, когда решила, что безопасность важнее.

Я остановилась у фонаря. Ветер дул с реки, и мне показалось, что пахнет не сыростью, а чем-то другим. Солью. Йодом. Тем, что я когда-то знала, но забыла, потому что помнить было страшно.

- Глупости, - сказала я вслух. - Нет никакой магии. Есть кофейня, счета, ипотека и кот, который спит на моём диванчике. Всё остальное - усталость.

Но ноги уже свернули в переулок, где на стене висела табличка «Только для уставших». И я знала, что пойду туда. Не потому, что жду чуда. А потому, что перестала делать вид, что не помню.

«50 страниц, - подумала я. - Три дня. Найти то, чего у меня нет. Легче сказать, чем сделать. Особенно когда не знаешь, с какой стороны подступиться».

Я остановилась у перил. Вода внизу была чёрной, маслянистой, в ней отражались редкие фонари. Где-то за рекой горели окна - жёлтые квадратики, в которых кто-то жил, ужинал, спорил о политике, гладил котов. Обычных котов, не говорящих. Которые не требуют сметаны и не смотрят на тебя с выражением «я знаю о тебе то, чего не знаешь ты».

Пальцы замёрзли. Я сунула руки в карманы кардигана и наткнулась на ключи от кофейни. Металлические, холодные, с брелоком в виде зёрнышка кофе - подарок поставщика на пятилетие. «Корица и Тени». Моя кофейня. Моя клетка. Мой уют, который я выдаю другим, но редко присваиваю себе.

«Хватит, - сказала я себе. - Иди домой. Завтра рано вставать».

Но ноги не слушались. Они свернули в переулок - узкий, тёмный, с запахом сырости и старых газет. Я не знала этот переулок. Вернее, знала - но только в том смысле, что он всегда был здесь, просто я никогда не обращала на него внимания. Как на дверь между аптекой и прачечной. Как на многое в своей жизни.

- Только для уставших, - прочитала я табличку на стене. Дверь появилась не сразу. Сначала - просто тёмное пятно, неровность кирпичной кладки. Потом - очертания, буд-

то кто-то невидимый рисовал дверь поверх стены акварелью, и краска медленно набирала плотность. Потом - деревянная панель, тёплая на ощупь, пахнущая воском и старым деревом. Я провела пальцами по шершавой поверхности, чувствуя, как древесина отзывается на прикосновение - не скрипом, а тихим, едва уловимым вздохом.

«Я не хочу туда идти - подумала я. - Я хочу домой. К чашке кофе. К отчётам. К привычной тишине, в которой никто не задаёт вопросов».

Я толкнула дверь.

За порогом оказалась винтовая лестница. Ступени пружинили под ногами, будто были сделаны из старого дерева, помнившего десятки, сотни, тысячи шагов. Пахло здесь по-другому - не сыростью и газетами, а чем-то сухим, тёплым. Керосин. Старые книги. И ещё - едва уловимо, как воспоминание, которое не можешь поймать - чабрец и мята.

Стены были каменными, грубыми на ощупь. Я провела ладонью - холодный, шершавый камень, в котором чувствовались неровности, выбоины, будто эту лестницу строили не архитекторы, а время само, вытесывая ступени из того, что осталось от старых домов.

Свет падал от керосиновых ламп, которые висели на стенах через равные промежутки. Их пламя дрожало, отбрасывая тени, которые двигались не по законам физики. Я заметила - одна тень обогнала меня, потом вернулась назад, будто забыла что-то на нижней ступеньке. Я решила, что лучше

не вглядываться.

«Сумасшествие, - подумала я. - Вот оно. Приходит не с бредом и видениями, а с лестницами, которых нет в реальности, и котами, которые оформляют документы».

Но я продолжала идти.

Крыша под стеклянным куполом встретила меня тишиной.

Не той пустой тишиной, которая бывает в заброшенных домах, а наполненной - будто каждый предмет здесь имел голос, просто молчал, дожидаясь своего часа.

Столики стояли вразброс - их явно двигали много раз, ища идеальное расположение. Деревянные, тёмные, со следами от чашек. На каждом - фарфоровая чашка. Я подошла к ближайшему столику, взяла чашку в руки. Фарфор был холодным, но не ледяным - скорее, комнатной температуры, будто его только что достали из шкафа. По краю шла тонкая трещина, похожая на карту забытой дороги. Если вглядеться, можно было разглядеть крошечные ответвления - реки, горы, города, которых нет ни на одной карте этого мира.

Я поставила чашку на место и осмотрелась.

Вдоль стен - полки с книгами в кожаных переплётках. Названия на корешках расплывались, менялись, когда я пыталась их прочитать. «Путеводитель по потерянному времени». «Искусство забывать лица». «Сто способов сказать „прощай“, ни разу не произнеся этого слова». Я протянула руку к одной - корешок был тёплым, будто книгу только что

держали в руках. Но когда я попыталась её вытащить, пальцы прошли сквозь неё, как сквозь дым.

- Иллюзии, - раздался голос сзади. - Здесь всё - иллюзия. Кроме чашек и вопросов. И вопросов даже больше, чем чашек.

Я обернулась.

Старая чайница стояла за стойкой, которая уходила в глубину, теряясь в полумраке. Полки с чашками тянулись бесконечно - фарфор, керамика, серебро, глина. Я насчитала семь ярусов, потом сбилась. Каждая чашка была разной - по форме, цвету, размеру. Но на каждой была трещина. Тонкая, почти незаметная, но она была.

Её лицо было фарфоровым - белым, с едва заметной сетью трещин, которые расходились от уголков глаз и губ. Не уродливо, нет. Красиво. Как карта прожитой жизни, где каждая трещина - дорога, каждый изгиб - поворот, каждое пересечение - выбор. Глаза - тёмные, глубокие, смотрели так, будто видели не меня, а то, что я пыталась скрыть. От мира. От себя.

Она была одета в многослойное платье цвета пыльной розы - такого оттенка, который бывает на закате, когда солнце уже село, но небо ещё не успело потемнеть. На голове - чепец с кружевом, которое, если присмотреться, состояло из букв. Маленьких, почти неразличимых. Я разглядела «н», «е», «б», «ы», «л», «о». «Не было». Или «было не». Я не успела дочитать - чайница пошевелилась, и кружево застру-

илось, перемешав буквы в новое слово.

- Садитесь, - сказала она.

Голос - спокойный, древний, с лёгкой насмешкой, которая не ранила, а скорее, как бальзам на старую рану - сначала щиплет, потом легчает.

Я села за ближайший столик. Дерево под локтями было тёплым, гладким, отполированным до блеска - будто за этим столом сидели сотни людей до меня, и каждый оставлял частичку своего тепла.

На соседнем столике чашка чуть сдвинулась - я поклялась бы, что она пыталась подслушать. Или просто заскучала. В таких местах никогда не знаешь наверняка.

Чайница не спросила, что я буду пить. Она взяла с полки чашку - белую, с едва заметной голубой каймой - и налила из самовара. Самовар был медным, потускневшим, с ручкой в виде дракона, который держал хвост в зубах. Из носика шёл пар - густой, ароматный. Я вдохнула. Пахло чабрецом, мятой, имбирём и чем-то ещё - сладким, тягучим, как воспоминание о чём-то, чего никогда не было.

Чайница поставила чашку передо мной.

- От какой мечты Вы отказались, чтобы не было больно? - спросила она.

Я открыла рот, чтобы отшутиться. «От мечты не лопаться от стресса? От мечты высыпаться? От мечты, чтобы кот перестал говорить и начал платить аренду?» - Что-нибудь в этом духе. Классический набор. Проверенный годами.

Чайница не улыбнулась. Даже трещины на её лице не дрогнули.

- Вы можете шутить, голубушка, - сказала она спокойно. - Шутки - это тоже броня. Но она, как и фарфор, бьётся. А я здесь не для того, чтобы собирать осколки.

Я посмотрела на чашку. Пар над ней становился всё гуще, закручиваясь в спирали, которые пахли...

Океаном, - поняла я. - Солью и йодом.

Я никогда не жила у моря. Но я помнила этот запах. Откуда - не знала. Может, из прошлой жизни. Может, из той, которую могла бы прожить, если бы не испугалась. Если бы встала тогда, двенадцать лет назад, с рюкзаком в прихожей и сказала: «Да».

- Я... - начала я и замолчала.

Впервые за долгое время я не знала, что сказать. Не потому, что не было слов. Слов было много. Слишком много. Они толпились в голове, мешали друг другу, спотыкались, падали, вставали и снова падали. «Я отказалась от мечты уйти». «Я отказалась от мечты быть свободной». «Я отказалась от мечты...»

- Вы отказались от мечты быть собой, - сказала чайница. Не вопрос. Утверждение.

Я подняла глаза. Она стояла за стойкой, сложив руки на груди. Её фарфоровое лицо было неподвижным, но трещины вокруг глаз чуть углубились - будто она улыбнулась, не меняя выражения.

- Или, точнее, - продолжила она, - Вы решили, что быть собой - это слишком дорого. Что мечты - это статья расходов, которую Вы не можете себе позволить. Что безопаснее - не хотеть, чем хотеть и не получить. Вы посчитали риски. Как бухгалтер. Холодно, рационально, расчётливо. И выбрали стабильность.

Я сглотнула.

«Откуда она знает?»

- Я читаю не мысли, - сказала чайница, будто услышав вопрос. - Я читаю трещины. На чашках. На лицах. В душах. У Вас, голубушка, трещин больше, чем у этой чашки. И все они - от одного удара. Который Вы нанесли себе сами. Аккуратно. Холодно. С калькулятором в руках.

- Это была не трусость, - вырвалось у меня. - Это был разумный выбор.

- Я и не говорю, что трусость, - чайница взяла с полки ещё одну чашку, поставила на столик рядом со мной. - Я говорю - расчёт. Вы выбрали не мечту, а безопасность. Не риск, а предсказуемость. Не жизнь, а выживание. И теперь Вы здесь. С пустой чашкой.

Я посмотрела на чай. Пар всё ещё шёл. Аромат океана стал сильнее - я почти слышала шум волн и крики чаек.

- Пейте, - сказала чайница.

Я взяла чашку. Фарфор был тёплым, почти горячим. Я поднесла её к губам, сделала глоток.

Пустота.

Не вода. Не чай. Не ничего. Пустота, которая заполнила рот, горло, грудь, разлилась по животу, по рукам, по ногам. Холодная, как сквозняк в феврале. Пустая, как квартира, из которой вынесли всю мебель. Тихая, как телефон, на который никто не звонит.

Я поставила чашку. Руки дрожали. Не от страха - от осознания.

Чай был пуст.

Не потому, что она плохо заварила. Не потому, что я не заслужила настоящего чая. А потому что внутри меня было пусто. Мечта, которую я закопала двенадцать лет назад, умерла не сразу. Она задыхалась медленно - год за годом, отчёт за отчётом, чашка кофе за чашкой кофе. И теперь от неё не осталось ничего. Даже воспоминания стали блёклыми, как старая фотография, которую держали на солнце.

Я закрыла глаза.

Рюкзак в прихожей, - всплыло откуда-то из глубины. - Я купила его за месяц до того дня. Специально. Думала, что он будет символом. Началом чего-то нового.

Я стояла у двери. За спиной - Андрей, который сказал: «Ты уверена? У тебя работа. Перспективы. Мы могли бы...». Он не договорил. Я не стала спрашивать, что именно он предлагал. Боялась, что ответ заставит меня остаться.

Друг уже ушёл в Изнанку, - вспомнила я. - Он ждал меня у перехода - того самого, между мирами. Он говорил: «Там магия не в книгах, она в воздухе. Ты почувствуешь, как ды-

шишь по-другому. Как внутри расправляется что-то, что ты даже не знала, что сжато».

Я села на рюкзак. Достала телефон. Открыла калькулятор. Аренда. Коммунальные. Еда. Транспорт. Непредвиденные расходы.

Я считала не деньги. Я считала риски. Вероятность того, что в Изнанке у меня ничего не получится. Вероятность того, что я останусь без работы, без жилья, без Андрея, без всего, что строила годами. Вероятность того, что мечта окажется пшиком - красивой картинкой, за которой ничего нет.

60% - остаться, - решила я тогда. - 40% - уйти.

Я выбрала 60.

И ненавидела себя за это двенадцать лет.

- Вы не мечту испугались, - сказала чайница.

В её голосе проскользнула нотка, которую я бы назвала ироничной, если бы не боялась оскорбить существо, которое, возможно, старше этого города.

- А чего же? - спросила я, уже зная, что ответ мне не понравится.

- Вы испугались, что она у Вас получится, - она произнесла это так, будто сообщала прогноз погоды: «Завтра ожидается счастье, возможны осадки в виде сожалений». - Что Вы уйдёте в Изнанку, и вам там понравится. Что Вы станете счастливой. Что вам не нужны будут ни Андрей, ни работа, ни эта ваша стабильность, которую Вы так бережёте. Вы испугались, что мечта окажется реальнее, чем ваша жизнь. А

это, знаете, совсем другая статья расходов.

Я сжала край стола. Дерево было тёплым, гладким - я чувствовала каждую неровность, каждую царапину, оставленную теми, кто сидел здесь до меня.

- И что мне теперь делать? - спросила я. Голос прозвучал глухо - не мой. - У меня три дня, чтобы найти замену. Я не знаю, где искать. Я не знаю, как. Я даже не знаю, что именно ищу. Какую-то магическую фигню, которая заменит дневник? Но дневник - это воспоминания. Это я. Это то, от чего я отказалась. Как его заменить?

- Никак, - чайница пожала плечами. - Дневник нельзя заменить. Его можно только вернуть.

- Но он не вернётся! - я вскочила. Стул отъехал назад, закрипел по деревянному полу. - Он ненавидит меня! Я предала его. Я выбрала не его. Я...

- Вы выбрали себя? - чайница подняла бровь. - Сегодняшнюю. Удобную. Предсказуемую. Ту, которая не рискует, не страдает, не живёт. Вы выбрали не дневник. Вы выбрали безопасность. И теперь дневник - Ваша тень. Он идёт за Вами, но Вы не можете до него дотронуться.

Я стояла, тяжело дыша. Внутри всё кипело - злость, обида, страх, надежда - какая-то дурацкая, непрошенная надежда, которая вдруг пробила сквозь трещины в фарфоровой броне.

- Я верну его, - сказала я. - Я не знаю как, но я верну. Потому что без него... без него я даже не знаю, кто я.

Чайница кивнула.

- Это первый правильный ответ, который Вы дали за весь вечер.

Она взяла пустую чашку со стола, поставила на поднос. Её пальцы были длинными, тонкими, с тёмными ногтями - не лак, а цвет самого фарфора, будто её руки тоже были сделаны из обожжённой глины.

- Приходите снова, - сказала она. - Когда будете готовы ответить честно. Без иронии. Без защиты. Просто - правду.

- А если я не приду?

- Придёте, - чайница улыбнулась. Улыбка была трещиной на фарфоре - тонкой, едва заметной, но от неё лицо стало живым. - Потому что пустота внутри - это тоже чашка. И её можно наполнить. Но только тем, что Вы выберете сами. Ни я, ни кот, ни дневник - никто не сделает это за Вас.

Я повернулась и пошла к лестнице. Ступени пружинили под ногами, лампы дрожали, отбрасывая тени, которые снова двигались не по законам физики. Одна тень - моя собственная - вдруг отделилась от меня и побежала вверх, к выходу. Я не стала её догонять. «Она вернётся, - подумала я. - Как и я».

На улице пахло дождём и остывшим асфальтом. Я подняла голову к небу - оно было чёрным, без единой звезды. Или звёзды были, просто я не хотела их видеть.

Я достала телефон. На экране - напоминание: «Завтра: поставка зёрен. 8:00». Я хотела нажать «отложить», но вместо этого закрыла приложение и убрала телефон в карман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.